

Те несчастные бамбуковые палочки, которые сжимал в руке Бай Цзыцин, уже начали гнуться. Он, уткнувшись в еду, не слушал, что говорили рядом, но когда поднял голову, обнаружил, что все за столом смотрят на него.

«?»

Бай Цзыцин бросил взгляд на старшего брата Бай Юня, но тот, сохраняя каменное выражение лица, ничего не выдал.

— Ты... что-то только что сказал? — тихо спросил он у сидящего рядом.

Ин Цань сделал вид, что сожалеет, покачал головой и вздохнул. Он не ответил Бай Цзыцину, а, повысив голос, обратился ко всем за столом:

— Видимо, мой голос был слишком тих, и Цзыцин не услышал...

Он продолжил:

— Я только что сказал, что три дня — это слишком долго, я не могу ждать ни минуты...

— Бай Цзыцин, ты мне нравишься.

Палочки в руке Бай Цзыцин наконец сломались.

11.

Первый ужин, на котором Ин Цань посетил дом Бай, застыл в напряжении после громкого звука сломавшихся бамбуковых палочек.

Бай Цзыцин смотрел на Ин Цаня с изумлением, держа в руке две половинки сломанной палочки. Края были неровными и острыми, и все, включая евнуха Циня и слуг дома Бай, были в шоке.

Среди удивленных и испуганных взглядов Ин Цань сохранял спокойствие. Он протянул руку к Бай Цзыцину, медленно вытащил палочки и передал их евнуху Циню.

— Будь осторожен, чтобы не пораниться.

Бай Цзыцин и остальные: «...»

Сцена, которая могла бы закончиться катастрофой, завершилась так неожиданно.

После ужина Бай Цзыцин случайно услышал, как Цю-эр и несколько служанок тихо шептались, говоря, что император оказался таким нежным.

Был ли Ин Цань нежным? Бай Цзыцин долго размышлял над этим вопросом, но не смог найти ответа.

Однако, судя по «прошлomu опыту», нынешние действия Ин Цаня были направлены на то, чтобы убедить семью Бай, что он действительно любит его, и что вступление во дворец — это естественный шаг. Но, учитывая несколько неловких и неприятных встреч... Бай Цзыцин все же считал, что Ин Цань просто боится, что он откажется от брака.

Ведь статус принцессы Чанпин был очевиден, и если он категорически откажется выходить

замуж, возможно, Ин Цань, ради сохранения своего имиджа мудрого правителя, согласится, но при этом он также получит повод.

Бай Цзыцин не решался рисковать. Если говорить прямо, Ин Цань использовал его как фитиль. Чтобы нанести смертельный удар, даже если эта нить была золотой, Ин Цань мог себе это позволить, а он — нет.

Разве возможно такое счастье, чтобы умереть и возродиться снова? Он подумал, что в этой жизни, даже если его снова используют как фитиль, он сам решит, кого взорвать.

Разговор переключился на другие темы, и Ин Цань рассказывал историю их встречи на ночном рынке. Бай Цзыцин слушал его болтовню о «вечной загадке», о том, что «даже он не смог догадаться», о том, что «Цзыцин действительно удивителен»... Более того, Ин Цань также похвалил Бай Нянь. Вторая жена, естественно, была в восторге, она скромно отказывалась, говоря, что «это заслуга Цзыцина».

Когда все наелись и выпили по полчашки чая, Ин Цань наконец встал, чтобы попрощаться, и Бай Цзыцин, который все это время следил за разговором старших, вздохнул с облегчением.

Как и при входе, Ин Цань ушел без особой помпы. Бай Цзыцин шел рядом с ним, молча опустив голову, и проводил его до ворот.

— Увидимся через три дня?

— Угу.

Едва слова сорвались с его губ, Ин Цань внезапно остановился и спокойно посмотрел на Бай Цзыцина.

Тот почувствовал себя неуютно под его взглядом:

— Что случилось?

— Если тебе не нравится брачный договор, почему ты не сбежишь?

— ... Ты шутишь?

Разве я сам дам тебе повод для манипуляций? Бай Цзыцин сказал:

— Вся земля под небом принадлежит императору, куда я могу сбежать?

Эти слова, казалось, не убедили Ин Цаня. Хотя его лицо оставалось спокойным, в его глазах читалось что-то, что, казалось, готово было поглотить Бай Цзыцина. Тот вынужден был сказать:

— Не волнуйся, я не сбегу.

— Тогда почему ты пошел в Башню Пьяных Цветов?

— ... Это было недоразумение.

— Даже недоразумение недопустимо.

Бай Цзыцин с раздражением отвернулся:

— Хорошо.

Улыбка на лице Ин Цаня стала еще шире. Он сказал:

— Ты мой человек.

К счастью, он больше не произнес ничего, что могло бы вывести Бай Цыцина из себя. После того как этот важный гость ушел, Бай Цыцин, измученный ужином, медленно побрел в свою комнату.

Он хотел лишь немного отдохнуть за письменным столом, но, вероятно, из-за переутомления, не смог подняться.

К счастью, Бай Шу и принцесса Чанпин навестили его, и Сувэнь помогла отнести его в постель.

Бай Цыцин в последнее время плохо спал.

В эти дни ему снился странный сон, в котором была только тьма, ни звуков, ни изображений, так что сначала он даже не понял, что это сон, просто думал, что недостаточно выспался и чувствует усталость. Но после нескольких таких случаев он понял, что это действительно сон — кроме тьмы, ничего больше.

Неужели возрождение тоже было сном?

До вступления во дворец оставался один день, погода была ясной, и солнце светило ярко. Проснувшись, Бай Цыцин машинально спросил Сувэня, какое сегодня число.

— Молодой господин, сегодня двадцать-sixое сентября, завтра...

Бай Цыцин резко прервал его:

— Я спросил про сегодня, а не про завтра, зачем ты так много говоришь?

Сувэнь надулся, недовольный:

— Но вы же спросили...

— Ты еще смеешь спорить с господином?!

— Нет, нет, я виноват...

Двадцать-sixое сентября. Бай Цыцин про себя повторил эту дату. Должность в Приказе Хунлу должна была быть назначена. Действительно, во время обеда пришло известие, что Ин Цань издал указ, и новым главой Приказа Хунлу стал Сюэ Юдин.

— Правда? Это замечательно.

Даже ожидая такого результата, Бай Цыцин был в прекрасном настроении. Он воспользовался поводом, чтобы найти Бай Юня, но слуги у входа сообщили, что тот уже ушел в Приказ Хунлу, так как сегодня был его дежурный день, и он уже приступил к работе.

Бай Цыцин был удивлен:

— Как давно?

— Уже три дня.

— Хм... Понятно.

Перед вступлением во дворец такой неожиданный подарок, как Бай Юнь, был настоящей удачей. Бай Цзыцин был на седьмом небе от счастья. После обеда он взял с собой несколько банкнот и отправился в Башню Сыхэ к Цуй Даожуну.

Ранее Цуй Даожун арендовал на втором этаже Башни Сыхэ южный кабинет, и если приходиться туда после обеда, его всегда можно было найти.

Из-за приближающегося брачного договора Бай Цзыцин привлекал слишком много внимания, и выходить из дома было непросто. Сувэнь специально принес ему белую шляпу с вуалью, но Бай Цзыцин отказался ее носить. Хозяин и слуга спорили, как обычные друзья, и, крадучись, вышли через заднюю дверь к карете.

— Зачем ты взял эту штуку? Хочешь, чтобы все знали, кто я?

Сувэнь обиделся:

— Разве плохо, чтобы люди знали, как красив наш молодой господин?

Бай Цзыцин был в ярости:

— Зачем им знать, как я выгляжу?

— Разве вы не всегда так думали? Это было ваше желание на день рождения в десять лет!

— ... Это было раньше.

Бай Цзыцин вздохнул. Он мог злиться на Ин Цаня, на Бай Юня, но на своего прежнего себя он не мог злиться, он лишь чувствовал бессилие.

Столица была полна суеты, звуки карет и крики торговцев не прекращались. Сколько братьев было у мальчика, продающего цветы на улице, как сильно болела его мать, сколько цветов ему нужно было продать, чтобы заработать пять монет на лекарство, Бай Цзыцин до самой смерти в прошлой жизни так и не узнал.

Какой жизнью жили простые люди, так отличающейся от его собственной, Бай Цзыцин, с детства окруженный роскошью, изучая классические тексты, никогда по-настоящему не чувствовал.

Именно из-за такой своей неопытности в жизни он и заслужил быть использованным?

Цуй Даожун даже не ожидал, что в такое время Бай Цзыцин решит выйти из дома, и поспешил пригласить его внутрь.

— Почему ты так на меня смотришь?

В комнате, кроме Цуй Даожуна, был еще один молодой человек, похожий на ученого, с чистым лицом. На столе стоял горячий чай, видимо, они только начали разговор. Бай Цзыцин помахал рукой Сувэню, чтобы тот остался снаружи, и закрыл дверь.

Цуй Даожун засмеялся и покачал головой:

— Ты слишком... эх, я не знаю, как тебя назвать.

Бай Цзыцин тоже улыбнулся, его взгляд упал на молодого человека:

— А это кто?

Чжан Сюнь встал и поклонился:

— Я Чжан Сюнь, из Хэнчжоу, давно слышал о вашем имени, брат Бай.

— Я Бай Чжай, но имя — это лишь пустая формальность, зови меня Цзыцин.

Чжан Сюнь не стал возражать. Его глаза были узкими, и, улыбаясь, они превращались в щелки. Он спокойно произнес:

— Цзыцин.

Цуй Даожун налил Бай Цзыцину чай и сказал:

— Сегодня как раз удачно, в тот день ты торопился уйти, а человек, которого я хотел тебе представить, — это Чжан Сюнь.

<http://bllate.org/book/16479/1496745>